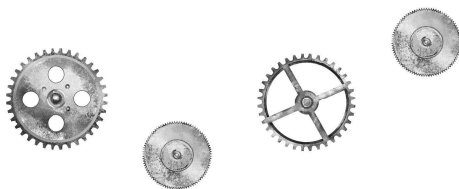

Моим замечательным, всегда готовым
меня поддержать маме и папе.
(Вот видите, я же говорил, что моё сидение
дома за книжками о драконах в конце концов
увенчается успехом!)
Бенджамин Рид

Моему любимому брату Джеймсу.
Лора Триндер

Да, я часто слышал, как бьёт полночь,
мистер Шеллоу.

*Уильям Шекспир
«Генрих IV». Часть вторая*

Глава 1

Эмили никогда и подумать не могла, что будет старшей сестрой. Она была единственным ребёнком в семье и часто гадала, каково это — иметь сестёр или братьев, но не представляла, что это такое! Поэтому даже теперь, много месяцев спустя после того, как мама и папа сказали ей, что они... ну, типа ждут ребёнка, до неё это никак по-настоящему не доходило. И когда ей нечем было заняться, она размышляла над этим, с удовольствиемковыряясь в теме, как в затянувшейся корочкой ранке. Например, сейчас, заскучав на каникулах, она без дела слонялась возле папиного сарая, наблюдая, как он копается там, запустив руки по локоть в вонючий компост.

— Просто это странно. Нет: как так вышло, что у вас будет ребёночек?

Папа Эмили неловко переступил с ноги на ногу возле грядки.

— Что ж, наверное, пора нам с тобой об этом поговорить... э-э... знаешь, когда двое сильно любят друг друга...

— НЕЕЕЕЕЕЕТ! НИ ЗА ЧТО! НИКОГДА! — завизжала Эмили.

На лице у папы отразилось облегчение — не смотря на то, что он, похоже, слегка оглох.

— В смысле как так вышло *сейчас*? — спросила Эмили. — Вы же старые.

— Прелесть какая, — сказал папа. — Наверное, после всего, что случилось в прошлом году, мы задумались о том, что по-настоящему важно. — Со свойственной ему сдержанностью он говорил о переполохе, случившемся, когда после загадочного полуночного письма их с мамой похитили, а Эмили зашвырнуло в волшебный Лондон в Полночном часе — параллельном измерении, застывшем в викторианском времени, где сохранились последние остатки магии (и все монстры). Суматошная выдалась неделька. — И счастливый случай помог. — Он говорил, а она вспоминала о залитых серебристым лунным светом улицах и о том, как за ней гнались оборотни и вампиры. Папа замолчал и вгляделся в её лицо. — Я надеюсь, ты тоже этому рада? Ты ведь знаешь, что можешь сказать мне, если тебя что-то беспокоит.

Эмили покачала головой:

— Нет, всё нормально. Я рада. Просто... столько всего и сразу. — Она наморщила нос. — Понимаешь, когда выяснилось, что я волшебный

пони, я не ожидала, что меня так скоро ждёт ещё один большой сюрприз, вот и всё.

— Ты не по...

— Знаю-знаю. Я пука. И должна этим гордиться.

— Я хотел сказать, что ты волшебный пони лишь наполовину, — но да, и это тоже.

— Ну пап!

Он улыбнулся.

Едва ли не самым странным в приключении, которое перевернуло всю её жизнь вверх тормашками, было узнать, что её до того дня абсолютно нормальные (хотя к маме это не относилось) родители на самом деле принадлежали к миру Полночного часа. Папа оказался волшебным почтальоном, а мама — библиотекарем (это вроде секретного агента). Но ещё удивительней было обнаружить, что и сама она отчасти волшебная. От маминого рода она унаследовала дар волшебного пони — то есть *пуки* — и могла превращаться в зайца и творить всякие чудные дела (правда, к её разочарованию, лишь в Полночном часе, потому что только там осталась магия).

Конечно, это не значило, что она собирается насовсем перебраться в Полночный час.

— С тобой точно всё в порядке? — Папа подошёл и хотел дотронуться до её плеча, но заметил, с каким ужасом она смотрит на его вымазанную в компосте руку. — Обычно ты вертишься тут, только если тебе что-нибудь нужно.

Это правда. Эмили недолюбливала вонючий сарай. Ей казалось, что папа специально разводит там этот смрад, чтобы его никто не трогал.

— Я просто... — с досадой проговорила она, пнув горшок, отчего папа поморщился. — Мне хочется в Полночный час, вот и всё.

— Ааа, — протянул он.

— Там было круто! Мы часами только и делали, что тренировались оборачиваться, и у меня почти получилось превратиться в гончую, — она помолчала. — Ещё чуть-чуть — и я смогла бы, а потом случилась вся эта история с ребёнком, и теперь она меня туда больше не берёт. А я скучаю по нашим путешествиям... и по ней.

Последние слова вырвались у неё сами собой, она не собиралась этого говорить. Такое, конечно, частенько случалось, но обычно только когда она злилась.

— Ааа, — снова сказал папа, на этот раз с другой интонацией. Он взял тряпку и вытер руки.

— Мы ведь тогда даже перестали собачиться. Почти. А теперь она снова просто чокнутая, — добавила Эмили.

— Да, была прямо-таки тишь да гладь, — задумчиво проговорил папа. — Словно в отпуске на морском берегу.

— Пап!

Он вытянул по-прежнему испачканную руку в успокаивающем жесте:

— Ты же понимаешь, что она это не из вредности? Пуки не могут...

— ...Оборачиваться во время беременности, — закончила она. — Знаю. Иначе... — Она прижала ладони с растопыренными пальцами к голове на манер ослиных ушей и показала передние зубы. Мама рассказывала, что тётушка Лавелл как-то раз, будучи беременной, застряла в лошадином облике, и поэтому кузен Арти так и остался немножко... пони.

У папы дрогнули губы: он изо всех сил старался сдержать улыбку.

— Да, а одной тебе идти туда совсем небезопасно. — Он снова нахмурился. — Ты рассердила очень нехороших людей, сама знаешь.

С этим поспорить она не могла. Она выступила против Ноктюрн, одной из Древних сил, и победила, случайно развоплотив её с помощью ожерелья из проклятых монет. Эмили устала на свои кроссовки. Путь в Полночный час ей заказан, можно о нём и не мечтать.

— Но так как я жажду вернуть спокойствие в свой тихий сарай, — продолжал папа, — я долго об этом размышлял и всячески увещевал твою маму. Иногда она даже прислушивалась. — Он покачал головой. — Мы решили, что, пока идут каникулы, под надлежащим присмотром и при условии соблюдения строгих правил тебе можно разрешить вернуться в... — Он не договорил,

а Эмили уже подпрыгнула и повисла на нём, крепко обнимая. Про его перепачканные в компосте руки она словно забыла.

— Ура! — Она стиснула его в объятьях, но вдруг замолчала и сердито взглянула на отца. — В следующий раз с этого и начинай!

От таких пылких нежностей он чуть не задохнулся, но свои наставления не прекратил:

— *Строгих* правил! Ты будешь ходить со мной на работу, тренироваться поблизости, а потом будем вместе возвращаться домой. И прежде чем тебе вообще позволят куда-то отправиться, тебе предстоит *серьёзный* разговор с мамой. — Он взъерошил ей волосы грязными пальцами, но, учитывая обстоятельства, Эмили готова была его простить. — Зайди к ней в студию.

— Спасибо, пап! — Она вприпрыжку помчалась по саду.

— Горшки не задень! Ладно, проехали...

Это была не настоящая студия. Обычный гараж, в который напихали столько художеств, что места для машины просто не осталось. Эмили пришлось протискиваться к двери мимо металлических скульптур, гипсовой лепнины и стеллажей, забитых всевозможными предметами искусства. Её мама Мейв вечно возилась

со скульптурой, а когда забеременела, то просто обезумела. Их дом превратился в художественную галерею. Она даже вернулась к живописи, которой вроде бы «не занималась с 1800-х годов». Мама Эмили порой выдавала такие фразочки, потому что была волшебной пукой и до того, как покинула Полночный час, жила в застывшем навеки 1859 году. В это время ещё не было телевидения, и автомобилей, и даже — *брр!* — туалетов в домах. Обнаружить, что мама была магической ирландкой-оборотнем из другого времени, да ещё и изгнанницей, было для Эмили потрясением — но зато стало понятно, почему она так странно себя ведёт.

Мама сидела у верстака. Мейв по-прежнему была миниатюрной, носила неизменные огромные ботинки чёрного цвета, но вот выцветшая футболка с принтом группы «Металлика» едва не лопалась на её огромном животе. Казалось, она проглотила воздушный шар. На её животе чудом держался ворох листов с рваными краями, на которых она рисовала пером и чернилами. Она была полностью сосредоточена на работе: разноцветные волосы свесились на лицо, покрытая татуировками рука легко скользила по бумаге. Из ворота её футболки свешивалось, озорно поблёскивая, ожерелье из непутёвых пенни, с которых начались (и которыми завершились) прошлогодние приключения. Эмили не знала на-

верняка, все ли монеты они собрали после того, как она швырнула их в Ноктюрн, обеспечив ей такую порцию неудачи, которую та не скоро сможет забыть. Уследить за этими пенни было практически невозможно, как и пересчитать их, если монеты всячески этому сопротивляются.

Некоторое время Эмили тихонько наблюдала за мамой, очарованная красотой её набросков. Из-под пера Мейв выходили плавные линии и фигуры, превращающиеся в бегущих по листу лошадей. Скульптуры у неё выходили такими дикими и безумными, что вряд ли кто-то мог ожидать появления на её рисунке столь прекрасных животных. Мама Эмили не подняла головы, но ей снова удалось повернуть свой бесячий фокус с чтением мыслей (причём она клялась, что тут нет никакой магии, она просто «чувет»):

— Удивляешься, что я умею рисовать, лапа?

— Ну, просто... — Эмили указала на металлические безумства, которыми была заставлена комната.

— Так это ж поздние работы. А с такого я начинала. Нужно, знаешь ли, выучить правила, прежде чем их нарушать.

Очередная лошадка соскочила с кончика её пера на бумагу. Мама подула на неё и вручила дочери грубый лист, чтобы та повесила его на стену сушиться. Там уже был целый ряд других лошадей, словно кто-то развесил в студии ка-

дры старого мультика. Мама со вздохом взглянула на них и погладила круглый живот.

— Вот и весь мой бег, — сказала она и прибавила более твёрдым голосом: — И тебе придётся довольствоваться этим, если не станешь слушаться моих правил, ага?

— Ладно, — ответила Эмили, предчувствуя лекцию.

— Значит, так: никуда не соваться, ни во что не вляпываться и не выходить из дому без своего ежа. — Она посмотрела на Эмили устрашающим родительским взглядом, которым могла прочесть мысли и сварить яйца на расстоянии сотни ярдов. — Ясно?

— Куда уж яснее.

— Вот и хорошо. Учти: насчёт Свина я серьёзно. Будем честны: из вас двоих только он может похвастаться здравомыслием. — Она начала ещё сильнее прожигать Эмили взглядом, и та порадовалась, что хотя бы на этот раз совесть у неё оказалась чиста. — Значит, пойдёшь потренируешься, попробуешь обратиться в гончую, затем возвращаешься к па — и ни минутой позже, чем он сказал. Ни шагу в сторону. Ясно?

— Предельно.

Мама сложила руки на животе. Её взгляд мог пробить насквозь свинцовую пластину.

— И ни в коем случае не якшаться с пучками. Держись подальше от клана — а не то я с тебя шкуру спущу.